

УПАНИШАДЫ В ПРОШЛОМ

О КОЛО двух с половиной — трех тысяч лет тому назад в Индии были созданы одни из древнейших памятников мировой этико-философской мысли — ранние образцы жанра упанишад. Слово «упанишада» происходит, вероятнее всего, от санскритского глагола *upa-ni-sad* — буквально «сидеть около», то есть сидеть у ног учителя, получая наставления. Название традиционной позы ученика, внимающего наставнику, стало обозначать самые наставления, в данном случае — толкования ведийских гимнов («Ригведы», «Самаведы» и других сборников), осмысливающие их мифологию и обряды.

Определить жанр упанишад в целом очень трудно: сюда входит свыше 200 произведений самого различного характера — в прозе и в стихах, в несколько строк и в десятки страниц, произведений, создавшихся на протяжении длительного исторического периода и отразивших самые различные течения в индийской культуре — ортодоксальный брахманизм, вишнуизм, шиваизм, йогу и другие вплоть до мусульманства. Подобная задача остается достаточно сложной и при ограничении круга этих памятников 10—13 текстами — так называемыми главными упанишадами, созданными в целом, должно быть, не позднее второй половины I тысячелетия до н. э., издавна выделенными индийской традицией и, по общему мнению исследователей, наиболее важными в историко-культурном отношении. Таковы Брихадараньяка, Чхандогья, Айтарея, Каушитаки, Кена, Тайтирия, Катха, Шветашватара, Майтри, Иша, Мундака, Прашна, Мандукья упанишады, которые мы и будем иметь в виду ниже.

В отличие от хронологически предшествующих им брахман, посвященных, как правило, конкретным, практическим толкованиям ведийских гимнов, упанишады, хоть и отдают дань подобным наставлениям, уже в большой мере содержат достаточно отвлеченные, умозрительные рассуждения. Традиционная мифология и обрядность часто становятся здесь отправным пунктом, помогающим наставникам упанишад (здесь можно назвать имена Яджнявалкы, Уддалаки Аруни, Праваханы Джайвали, Аджаташатру) осмысливать явления окружающего мира. Вряд ли будет ошибкой сказать, что деятельность этих мыслителей ознаменовала новую ступень индийской культуры.

Традиционные ведийские представления подвергаются в упанишадах существенной модификации; впервые в истории индийской мысли здесь четко выражено монистическое осмысление мира (идея о тождестве высшего объективного начала — Брахмана и субъективного индивидуального начала — Атмана). Упанишады в значительной степени переоценивают ведийскую доктрину, ставя правильное истолкование и познание обрядности (так называемый «путь знания») выше самого исполнения обрядов («пути дела»). Следует отметить, что значительная роль в этой переоценке принадлежит кшатриям (военному сословию) — таковы, например, поучения Праваханы Джайвали в Брихадараньяке и Чхандогье. При этом кшатрии — вопреки ведийской традиции — неоднократно выступают в упанишадах не только как

цари и воины, но и как мудрые наставники, хранящие распространенные среди кшатриев учения и превосходящие брахманов своими познаниями. Если принять во внимание некоторые известные нам социальные процессы Индии середины I тысячелетия до н. э., связанные с усилением воинского сословия и его политическим соперничеством со жрецами-брахманами, то можно предположить, что указанные свидетельства упанишад находятся в связи с этими процессами и проливают дополнительный свет на историю Индии этого периода.

Вместе с тем необходимо постоянно иметь в виду сложный, во многом неоднородный характер ранних упанишад. Носителями заключенных в них взглядов выступают отнюдь не только кшатрии — здесь отражены и очевидно брахманские традиции (например, в поучениях Яджнявалкы, Уддалаки). Подвергая критическому осмыслению ведийские догмы, упанишады сами отдают дань характерным ведийским представлениям, в частности космологическим. В этой связи следует сказать, что здесь получают отражение и натурфилософские, наивно-материалистические воззрения — таковы, например, представления демонов-асуров в Чхандогье упанишаде о природе высшего начала — Атмана, которое они отождествляют с человеческим телом, или рассуждения той же упанишады о пище как материале, из которого формируются органы человека и его умственные способности. Последнее обстоятельство делает упанишады важным источником и для изучения материалистической традиции в истории индийской мысли.

Говоря об идеях упанишад, нельзя не упомянуть о той художественной силе, с которой эти идеи выражены. Такие упанишады, как Шветашватара, Катха, целиком изложены в стихах и являются по сути дела поэмами; большинство других в той или иной пропорции искусно сочетает прозу со стихами. Обеим манерам изложения в высокой степени присущи характерные стилистические приемы. Употребительны звуковые и лексические повторы, превращающие отдельные отрывки этих текстов (например, заповеди Праджапати в Брихадараньяке или описание высшего состояния в Мандукье) в своеобразную звукопись. Текст изобилует красочными сравнениями и аллегориями; самые, казалось бы, отвлеченные идеи иллюстрируются наглядными образами из повседневной жизни индийца: читатель встретит здесь музыкальные инструменты, пчелиный улей, колесницу, суд над преступником, игру в ко-сти и т. д.

Изложение часто подается в форме беседы между двумя или несколькими лицами; при этом в упанишадах можно проследить отдельные, по-видимому, впоследствии развившиеся в санскритской повествовательной литературе, приемы построения сюжета (например, обрамление — рассказ в рассказе, ретардация — торможение действия с целью усилить интерес читателя — и т. д.). Живость и Непосредственность отличают многие сцены.

Еще одна характерная черта упанишад — склонность к законченным, лапидарным формулам, отдельные из которых прочно вошли в сокровищницу

И НАСТОЯЩЕМ

А. СЫРКИН

Кандидат исторических наук

индийской афористики. Можно сказать, что в упанишадах, пожалуй, впервые в истории индийской литературы высокая художественность выражения столь удачно сочеталась с глубиной и своеобразием содержания. Это сочетание с небывалой до того последовательностью и яркостью отразившее подх од индийских мыслителей к познанию окружающего их мира и мира внутреннего, отчасти помогает объяснить дальнейшую судьбу упанишад в индийской и мировой культуре.

Не будет преувеличением сказать, что воздействие упанишад в той или иной форме испытали буквально все системы и направления древнеиндийской мысли, многие из которых по сей день не утратили своего значения. С. Радхакришнан называл эти произведения «фундаментом, на котором покоится большинство позднейших философий и религий Индии». Идеи упанишад определили философию таких крупнейших индийских мыслителей, как Шанкара и Рамануджа, чьи основные произведения построены в форме комментария к этим текстам. Они послужили главным источником философской системы веданты (самое название которой — буквально «конец вед» — заимствовано от соответствующего обозначения упанишад). Идеи упанишад получили дальнейшее развитие в раннем буддизме, они отразились и в учении других классических этико-философских систем Индии —санкхье, миманса, йоге и т. д.; они, без сомнения, оказали влияние на индийскую материалистическую традицию.

Этим, однако, историко-культурное значение упанишад далеко не исчерпывается. Упанишады продолжают жить в мыслях и поступках индийцев, они многообразно отражаются в индийской общественной жизни, в научном, философском, художественном творчестве не только в Индии, но и за ее пределами.

Уже в начале прошлого века выдающийся проповедник Раммохан Рай широко использует идеи упанишад в своей общественной деятельности, ознаменовавшей начало индийского национального движения, в частности, в борьбе с кастовым угнетением. Разумеется, эти произведения продолжают сохранять первостепенное значение и в качестве канонических текстов индуизма, во многом определяя взгляды на воззрения таких крупных общественных и религиозных деятелей Индии XIX—XX веков, как Рамакришна Парамаханса, Свами Вивекананда, Ауробиндо Гхош. Вместе с тем упанишады все чаще выходят за рамки индуистской догматики и обрядности. Они серьезно воздействуют на взгляды Рабиндраната Тагора, не только высоко ценившего отвлеченные умозрительные рассуждения упанишад, но и видевшего в них непосредственный призыв к взаимоуважению и сотрудничеству между людьми. Подобного рода «светское» восприятие этих памятников было свойственно и Джавахарлалу Неру, ценившему в них дух исследования и элементы научного метода. «Мне трудно,— писал Неру в своем «Открытии Индии»,— постигнуть метафизическую сторону вопросов, рассматриваемых в упанишадах, чо на меня произвел большое впечатление самый подход к проблеме, которая столь часто окружалась мраком

догм слепой веры. Это был подход философский, а не религиозный. Меня привлекает сила мысли, пытливость, рационалистическая подоплека».

Особого внимания заслуживает интерес, проявленный к упанишадам за пределами Индии,— интерес, давно уже вышедший за рамки индологической науки. Выдающийся востоковед С. Ф. Ольденбург писал, что «упанишады даже в слабых и совершенно неудачных переводах конца XVIII века увлекли величайшие западные философские умы, чаруя их высоким совершенством художественной формы».

Упанишады привлекают внимание не только философов, но и ученых-естественников, пытающихся соотнести их взгляды с достижениями современной науки; идеи и образы этих произведений вдохновляют писателей и художников. Так, например, Катхаупанишада отразилась в творчестве американского мыслителя и поэта Р. Эмерсона. Исследователь индийской культуры Б. Луня полагает, что подобное воздействие испытал Уолт Уитмен («Путь в Индию»). Образ грома из Брихадараণьяки перешел в поэму Т. Элиота «Пустынная земля». О красоте упанишад восторженно писал художник Николай Рерих.

Изучение того воздействия, которое продолжают оказывать упанишады на современную культуру, представляется весьма поучительным в ряде отношений. Оно помогает нам лучше понять специфику этих текстов. Отразив некогда различные идеальные течения своей эпохи, упанишады, в свою очередь, продолжают получать различные истолкования. Так, наряду с традиционно индуистской интерпретацией, мы видим попытки по-новому осмыслить идеи упанишад, сопоставить их с научными достижениями нового времени, использовать их в связи с задачами, ставшими перед индийским национальным движением.

Упанишады являются для нас еще одним свидетельством той роли, которую продолжает играть наследие древней Индии в наши дни. Оставаясь в полном смысле слова живыми книгами, упанишады поныне окружены любовью и популярностью на своей родине. Не случайно афоризм из упанишад «Satyam eva jayate» — «Лишь истина побеждает» стал государственным девизом Индийской республики. Вот почему для наших исследователей и читателей упанишады не только замечательный памятник древности — это одновременно одно из средств глубже постичь сегодняшнюю жизнь Индии.

ТОЛЬКО ФАКТЫ

● Конференции, симпозиумы, кинофестивали и выставки готовятся к столетнему юбилею В. И. Ленина в различных городах Индии.

● Оперные и балетные ансамбли из многих стран приглашены в столицу ОАР на музыкальный фестиваль в связи со столетием Каирского оперного театра, где в 1969 году была впервые исполнена опера «Аида».